

«...Анфиса Ивановна не просто мать, старый человек в доме, столь необходимый для писательского быта,— отмечал Евгений Носов,— но ко всему этому и помощница в том высоком смысле, в каком мы представляем роль Арины Родионовны в жизни Пушкина...»

В избе золотой тягучий свет вечерних сумерек. Широкие тяжелые лавки, «дорожная» русская печь, стол, прочно утвердивший за собой место в красном углу, настраивают на веское, неторопливое слово. Известный русский советский писатель Василий Белов описывает свой дом так: «Пятистенок с шестью окнами по фасаду, с подвалом и с несколькими хлевами и сениками, с въездом и санными перевалами. По подсчетам старожилов, дом был срублен еще до реформы 1861 года, то есть на земле второе столетие».

Весьма возможно, он одолеет и еще одно столетие: на переднюю его часть употреблены витые еловые кражи.

— Из этого дома я замуж вышла. Теткин дом. Меня, вишь, тетка воспитала,— говорит мать писателя Анфиса Ивановна.

Она вспоминает, как трех сыновей и дочь подняла без мужа: «Сам-то погиб в эту войну». И удивляется:

— Как сил хватило? Теперь раздумаюсь, и дивно, ведь тяжесть какая. Прежде-то не думала, само собой все произошло.

Имя у деревни не яркое, да любовное — Тимониха. Обычно так кого-либо из своих, из деревенских женщин прозывают — из пожилых, обстоятельных. У соседних селений тоже в названиях женский род — Лобаниха, Печи́ха, Тетери́ха, Вахру́шиха, Помази́ха...

Пахари из века в век только успевали подрасти, вспахать поле, свадебного пива хлебнуть, как пора уже было собираться на войну, на битву с незваным гостем. Редко кому обратная дорога была суждена. А если и суждена, то через одного — на скрипучих костылях. Оттого и женские окончания в именах здешних деревень...

Иван Федорович Белов, отец писателя, пал смертью храбрых в октябре 1943 года в бою под Смоленском. «В Тимониху,— отмечает Василий Иванович,— как и в тысячи других деревень, не возвратилось с войны ни одного мужчины».

И вот той осенью, когда погиб муж, Анфиса Ивановна совершила вроде бы безрассудный поступок — купила сыну гармонию.

*В год, когда отца бесповоротно
Увела судьба в шальной огонь,
За полпуда ржи сыромолотной
Мать купила старую гармонию...*

Так написал об этом начинающий литератор Василий Белов. Он и сейчас иногда берет гармонию на колени и разводит мехи.

*...И пускай он не речист,
Пусть несмелый в разговорах,
Все расскажет гармонист
Вологодским перебором:
И о синих о лесах,
И о девичьих о косах —
На рокошующих базах,
На ладах нежногласных...*

В год скорби, в голодной сорок третий, мать купила сыну гармонию. На похоронах у нас на Севере плачут и причитают. Горе перемагают песней. Надо было не просто пережить войну, а и сердцем не окаменеть, чтобы оставалось оно отзывчивым на красоту. Иначе разве войну пережить?

Не та ли гармошка одарила Василия Белова песенным даром? Ведь все, им написанное, достойно называться русской северной песней... Одна из важнейших основ музыкальной речи — соотношение, согласованность устойчивых и неустойчивых звуков, или лад. «Лад» — так и называл Василий Белов книгу очерков о народной эстетике.

Определить, что в жизни вечно и опорно, а что хоть и необходимо, но преходяще и что с чем надо

МАТЬ И СЫН

увязывать, да не абстрактно, не в общих чертах определить, а в конкретике, в условиях национального быта и нынешнего века, значит, найти путь к ладу, то есть к гармонии современного человека с миром.

Теперь, когда очерки о народной эстетике пришли к читателю, кажется странным даже сам факт, что прежде такой книги не существовало. Правда, отдельные темы очерков в последние два десятилетия тщательнонейшим образом разрабатывались писателями. Какие-то стороны народного быта подробно описывались. То есть, условно говоря, кирпич для строительства был частично заготовлен. Но каждый из собиравших, конечно, надеялся, что найдет человека, который сведет все им добытое воедино. И не механически, а животворящим словом и мыслью. Создаст художественный образ многовекового крестьянского мира...

И была еще помощница, муза и добрый ген — потомственная крестьянка, колхозница, вдова, песельница. Мама писателя — Анфиса Ивановна.

В «Ладе» то и дело Белов оговаривается: «Анфиса Ивановна рассказывает: «А мы частушку пели:

*Ни о чем заботы нет,
Только о куделе,
Супостаточка моя
Опрядет скорее.*

Бывало, ткешь, ткешь целый день. Уж так надоест...» «Старших-то слушались. Бывало, не спросясь в чужую деревню гулять не уйдешь. Скажешь: «Ведь охота сходить». Мать, а то и бабушка ответят: «Охотку-то с хлебом съешь!» Либо: «Всяк бы девушку знал, да не всяк видал!» А пойдешь куда на люди, так наказывают: «Рот-то на опашке поменьше держи». Не хохочи, значит. Подражание взрослым, как всегда, играло решающую, хотя и незаметную роль. «Анфиса Ивановна рассказывает, что иные мужики ходили в гости со своей рюмкой, но доверяя объему хозяйской посуды. Больше всего боялись выпить лишнее и опозориться...», «Анфиса Ивановна рассказывает...».

И так по всей книге.

Без ее помощи Белов бы, конечно, на подобное сочинение не решился. Наши матери, возвращенные в условиях старой, патриархальной деревни, не

очень владели книжной грамотой, но зато они на редкость хорошо владели грамотой сердца и души. И Анфиса Ивановна из числа их. Она наделена редкой памятью, в ней живет живой жизнью вся народнопоэтическая культура Севера, и Белов знает цену «материнскому духовному молоку»...

Заведет Анфиса Ивановна о чем-либо речь и вдруг посередине бывальщины остановится, вздохнет: кабы про этого достойного человека словцо к бумаге приколоть, какой внукам бы пример! Или: вот про это все как-то помнить перестали — ой, зря! А Василий Иванович, он возле сидит, он материны замечания на ус мотаает.

Так подспудно рождался замысел книги.

Помню, в Тимонихе спустились мы с Василием Ивановичем в подвал их старинного дома. Среди кос, кадушек, граблей, колотушек для обработки льна, пивоваренных ковшей стоял готовый к работе ткацкий станок.

— Беру у мамы уроки,— пояснил Белов. Он писал главу «Спутник женской судьбы» — о льне.

Анфиса Ивановна иной раз, если доведется услышать интересную историю, чтобы не забыть и не перепутать чего, на бумагу ее переведет — «для Васи».

Она была научным консультантом его романа-хроники «Кануны».

«Неисчерпаемый кладезь познаний старины, северного быта, обычаев, празднеств, давних песен, почти никем уже не поющих, пословиц, поговорок, веселых побасенок некрасовского Пошехонья и просто своих наблюдений и толкований текущей жизни — сколько полезного мог взять у нее Василий для своего творчества?», — отмечал Е. Носов.

Для нынешнего и будущего поколений «Лад» важен, думается, прежде всего преемственностью духовного опыта, идеалов, мировосприятия, преемственностью отношения к живой и неживой природе, к пище, к одежде, к семейным обязанностям, к труду к миру в целом.

...В одной из столичных редакций Белова уговаривали остаться в Москве еще на несколько дней. Он отказался: не могу, в деревне мать одна. Ему возразили: «Что же, там ей воды некому принести?»

— Кто-то, конечно, принесет,— согласился Василий Иванович. — Но лучше, если сын...